

КОНСТИТУЦИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

© 2013 г. Орест Владимирович Мартышин¹

Краткая аннотация: Конституция Российской Федерации 1993 г. сочетает элементы либеральной (доминирующей) и консервативной идеологии. Последнее десятилетие отмечено возрождением консервативных тенденций.

Annotation: The Constitution of 1993 combines elements of liberal (predominating) and conservative ideology. The last decade is marked by revival of the conservative trend.

Ключевые слова: конституция, идеология, либерализм, консерватизм, либертариизм.

Key words: constitution, ideology, liberalism, conservatism, libertarianism.

Статья 13 Конституции РФ содержит оригинальное положение об идеологическом плюрализме: “1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной”. До этого вряд ли какой-нибудь конституционный акт пользовался категорией “идеология”. Считалось и считается поныне, что свобода мысли, слова, объединения гарантируют и идеологическое многообразие. Впрочем, возникает ассоциация с первой поправкой к Конституции США: “Конгресс не должен издавать никакого закона относительно установления какой-либо религии или воспрещающего свободное исповедание всякой религии, или ограничивающего свободу слова и прессы, или право народа мирно собираться, а также просить правительство о прекращении злоупотреблений”. Ведь религия представляет собой древнейшую форму идеологии. Примечательна и связь запрета на установление государственной религии со свободой слова и прессы.

Появление ст. 13 Конституции РФ исторически объяснимо. Это была реакция на “идеократию” советского государства, на превращение “научного коммунизма” в официальную идеологию. Всякое отступление от него свидетельствовало о неблагонадежности и воспринималось как покушение на основы советского строя.

Статья 13 Конституции 1993 г. ориентировала на деидеологизацию, что практически означало в то время отказ от “научного коммунизма”, от “марксистско-ленинского учения”. Этот процесс не ограничился лишением “научного коммунизма” статуса государственной идеологии.

Целенаправленно велась и продолжается до сегодняшнего дня кампания дискредитации марксистско-ленинских представлений, вытравливания их из общественного сознания. Во втором смысле кампания носила явно идеологический характер.

Деидеологизация, бесспорно, способствовала плюрализму, но она же привела и по меньшей мере к двум отрицательным последствиям: идейной неопределенности, аморфности, вызывавшей среди россиян, привыкших в советское, да и в до-советское, время к четким установкам, растерянность, а также к идеологической и ценностной всеядности, к освобождению от нравственных принципов, которые раньше, хотя бы теоретически или декларативно, считались обязательными.

Советскому обществу, в первую очередь его привилегированным, руководящим слоям, было свойственно лицемерие, быстро нараставшее с углублением процессов разложения социалистической системы. Коммунистическая идеология для многих служила прикрытием эгоистических интересов, средством карьерного роста, обеспечения особого статуса и благосостояния. Разрыв между идеалами и действительностью неизбежен. Все дело в его степени и тенденции или динамике: подтягивается ли действительность к идеалу или, наоборот, идеалы низводятся до уровня действительности. Последний вариант, типичный для разных стран и эпох, удачно описал применительно к официальному католицизму своего времени Томас Мор: “Проповедники, люди хитрые..., узнав, как тяжело людям приспособить свои нравы к требованиям Христа, они приладили его учение к своим нравам”.

Увы, в постсоветской России преобладает именно такая тенденция. Вспоминается агитационное обращение к молодежи с призывом участвовать в летних политических мероприятиях на озере

¹ Профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук.

Селигер: “Кто хочет сделать карьеру, поезжайте на Селигер”. Коротко и ясно! Без всяких идеологических прикрытий и апелляции к общественному благу, служению Родине и уж тем более к самопожертвованию. На смену лицемерию пришел цинизм. Низменные инстинкты, стремление к обогащению и власти как верному средству обеспечения личного благополучия и безопасности вылезли из подполья, открыто провозглашаются и рассматриваются многими как нечто не только нормальное, но и благотворное. Л.Д. Гудков, директор аналитического центра Ю. Левады, на основании многочисленных опросов и наблюдений выделяет «такие черты массового постсоветского человека, как недоверие к другим, лукавство, нормативный релятивизм, цинизм и готовность приспособиться к любой изменившейся “игре” ценой снижения уровня ожиданий»². Маститый писатель Д.А. Гранин заявил на “круглом столе” по проблемам политики государства в сфере нравственности и духовности в апреле 2008 г., что раньше у людей была мечта о создании справедливого коммунистического общества, а теперь остался только культ денег³. Значительная часть общества не скрывает стремления к тому, что получило парадоксальное название “отрицательных ценностей”⁴, т.е. не нравственных, идеальных, а материальных, житейских. Деидеологизация внесла свою лепту в усиление этой губительной тенденции.

* * *

Часть 2 ст. 13 Конституции РФ (“Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной”) не следует абсолютизировать. Идеология – не синоним мировоззрения, это политическое средство. Она адресована массам и представляет собой способ воздействия на массы с целью управления или манипулирования ими, мобилизации, обеспечения поддержки и т.п. Сама по себе разработка философских, научных, религиозных, этических, эстетических, политических и любых других взглядов, а также их публикация и пропаганда не являются идеологией, если она не имеет политического подтекста и не преследует цель вовлечения в общественное, политическое движение. Известное марксистское положение “Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами” относится именно к идеологии.

² См.: Независимая газ. 2008. 8 апр.

³ См.: там же. 2008. 22 апр.

⁴ См.: Гурвич Г.Д. Философия и социология права // Гурвич Г.Д. Избр. соч. СПб., 2004. С. 503.

Может ли государство, один из важнейших игроков на политической арене, обходиться без идеологии? При советской власти считалось азбучной истиной, что государству присуща идеологическая или культурно-воспитательная функция. Сейчас, как отмечает проф. В.Н. Жуков, это подвергают сомнению, во многих учебниках по теории государства и права нет такой функции. “Считается, что идеологическая функция свойственна только тоталитарным режимам, – пишет он, – демократическое правовое государство существует вне идеологии”. В обоснование этой позиции ссылаются и на ч. 2 ст. 13 Конституции⁵. В ряде учебников (не только в цитируемом, где обосновывается закономерность этого понятия) идеологическая функция сохраняется⁶. В других – она называется культурной (не культурно-воспитательной, предполагающей якобы исключительно “марксистско-ленинскую” индоктринацию)⁷ или “функцией развития культуры, науки и образования”⁸. Не вызывает сомнений, что эта функция не сводится только к финансовой поддержке, что государство контролирует и регулирует развитие культуры, науки и образования, что образование неотделимо от воспитания, что государство пытается внушить гражданам определенные принципы поведения, ставит перед ними и перед обществом определенные цели. Мыслимо ли все это без определенных идеологических установок? Когда Президент РФ ставит задачу подготовить единый учебник по истории России (февраль 2013 г.), а Председатель Государственной Думы проводит рабочее совещание координаторов групп по подготовке концепции учебно-методического комплекса по истории России (10 июня 2013 г.)⁹ – что это, как не попытки разработки идеологии, поддерживаемой государством?

Любое, в том числе и откровенно деспотическое, государство опирается не только на силу, но и добивается повиновения населения, внушая ему определенную систему взглядов, или идеологию. Этьен де Ла Боэси, знаменитый французский автор XVI в., предшественник тираноборцев, называл это повиновение “добровольным рабством”¹⁰.

⁵ См.: Теория государства и права / Под ред. О.В. Мартышина. М., 2012. С. 149.

⁶ См.: Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2009. С. 169.

⁷ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 1998. С. 60, 61.

⁸ См.: Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 67.

⁹ См.: Независимая газ. 2013. 11 июня.

¹⁰ См.: Ла Боэси Э. де. Рассуждение о добровольном рабстве. М., 1952.

Оно обеспечивается набором представлений, настроений, обычаев, которые культивируются и навязываются властью или “формулой власти”, по лаконичному определению Г. Моски. Способы идеологического обоснования власти различны: божественное право королей, народный суверенитет, харизма вождя, идеи свободы и прав человека, традиция и т.п.

Современные государства чаще апеллируют к идеологии по многим причинам. Здесь и зависимость от голосов избирателей, и постоянно возрастающая динамика, требующая обоснования перемен. Всякое общественное преобразование предполагает и порождает идеологическое оправдание. Именно поэтому, начиная с XVII–XVIII вв., т.е. с эпохи буржуазных революций, важнейшие политические и правовые акты представляют собой своего рода идеологические манифесты.

Профессор В.В. Маклаков не случайно выделяет особую идеологическую функцию конституции. “Если посмотреть на идеологические установки, закрепляемые в зарубежных конституциях, – пишет он, – то очень заметна в процессе их развития всевозрастающая идеологическая насыщенность... Эти идеологические установки чаще всего получают закрепление в преамбулах конституций, а также в разделах о правах и свободах”¹¹. Современные конституции не ограничиваются изложением структуры и компетенции органов власти. Все содержащееся в них нормы-принципы, нормы-цели, нормы-программы носят ярко выраженный идеологический характер. При этом подобно тому, как говорят о конституции формальной (правовой акт) и фактической (политический режим), следует различать идеологию, декларируемую в конституции и других официальных актах государства, и действительную, выводимую из политической практики. Реальная проблема состоит не в том, нужна ли государству идеология, а в том, какова она.

* * *

Все советские конституции отличались очень высокой степенью идеологизации. Ее особенностью была непосредственная связь с мировоззрением правящей партии. Конституции стран Запада характеризуются нейтральностью в партийном отношении. Они формулируют принципы, признаваемые основными политическими партиями. Такие конституции остаются неизменными, хотя

политический курс корректируется в зависимости от расстановки сил. Советские конституции были рассчитаны на власть только одной партии и на осуществление ее программы, хотя этот принцип не сразу был четко сформулирован. Тексты советских конституций дублировали программные, мировоззренческие положения РСДРП, РКП (б), ВКП (б), КПСС. Статья 9 Конституции РСФСР 1918 г. (разд. 2, гл. 5) гласила: “Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти”. Включенная в Конституцию в качестве разд. 1 Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа звучала еще жестче, ставя задачу “беспощадного подавления эксплуататоров”. Таково возведенное в закон сжатое изложение марксистской теории пролетарской революции с ленинским дополнением о перерастании демократической революции в социалистическую. В этой суровой позиции привлекает полное отсутствие лицемерия, характерное как для работ В.И. Ленина, так и для законодательства и пропаганды первых лет советской власти. Честное изложение программы вызывалось не только или не столько этическими соображениями, сколько трезвым политическим расчетом. Начиналась гражданская война, ожидать поддержки или хотя бы нейтралитета со стороны эксплуататорских классов, лишенных политических и имущественных прав, было бы наивно. Ставка делалась только на пролетарские и полупролетарские элементы. Итоги гражданской войны показали, что расчет оказался верным.

В 30-е годы в сталинской Конституции при неизменности основных теоретических позиций о диктатуре пролетариата, уничтожении эксплуатации человека человеком, отмене частной собственности на орудия и средства производства, создании социалистической системы хозяйства и т.д. (гл. I. Общественное устройство) появляется лицемерие, разрыв между декларациями и действительностью. Таким лицемерием было провозглашение всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Формально это означало превращение Республики Советов, основанной на классовом избирательном праве, в парламентскую республику со всеобщим голосованием. Казалось бы, от советской власти

¹¹ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Часть общая. Т. 1, 2 / Под ред. Б.А. Страшуна. М., 2000. С. 51, 52.

оставалось одно название. В Конституции 1936 г. о парламентской республике ничего не говорится. Зато провозглашена неизменность классовой сущности советов, “выросших и окрепших в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата” (ст. 2). Политический режим превращал избирательное право в фикцию даже для рабочих и крестьян. Статья 125 содержала перечень политических прав граждан (свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций), но ему предшествует замечание, что они гарантируются законом “в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя”, которое вполне могло служить юридическим основанием для ограничения и лишения прав, если бы кто-нибудь вздумал использовать их ненадлежащим образом. Аналогичная формулировка (“в соответствии с интересами трудящихся”) дается в ст. 126 и применительно к праву объединения в общественные организации. В эту статью было стыдливо запрятано важнейшее положение о руководящей роли партии. В 1936 г. оно впервые приобрело характер конституционного принципа, а не констатации расстановки политических сил: “наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных”.

В последней советской Конституции 1977 г. мысль о руководящей роли КПСС оформлена в роскошном стиле барокко. Из статьи о праве на объединения, где она упоминалась вроде как примечание, как частный случай, ее перенесли в раздел “Основы общественного строя”, в гл. I “Политическая система”. Знаменитая ст. 6 Конституции 1977 г. гласит: “Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма”.

Мысль, кратко сформулированная в сталинской Конституции, приобрела пышное оформление. Партия выступает как основа, творец и руководитель всей политической системы, что полностью соответствовали ее реальной роли. В этом не было лицемерия. Но то, что сложилось исторически, объявлялось совершенной, единственно правильной формой организации общества. Новым в сравнении с 1936 г. было и включение в текст Конституции “марксистско-ленинского учения”, которое тем самым становилось обязательной не только партийной, но и государственной идеологией, причем “марксистско-ленинское учение” предполагает принципы организации общественной жизни и определенные мировоззренческие, философские аспекты. Не случайно и в преамбуле к Конституции записано, что советский народ принимает ее, “руководствуясь идеями научного коммунизма и соблюдая верность своим революционным традициям”.

В соединении государства с определенным мировоззрением нет ничего принципиально нового. Древнейшей формой государственной идеологии была религия, а это предполагает, что носитель государственной власти должен принадлежать к господствующей религии. В дореволюционной России император, императрица и жена наследника престола должны были быть только православными. В колыбели либерализма, Великобритании, царствующая особа все еще не имеет права вступить в брак с католиком или католичкой. Советские Конституции 1936 и 1977 гг. подняли принцип нерасторжимой связи власти с определенной организацией и мировоззрением на новую ступень. На всех уровнях государственной и общественной жизни руководство принадлежало только Коммунистической партии, вооруженной марксистско-ленинским учением.

Сугубо идеологический характер носила вся преамбула Конституции 1977 г. Она содержит краткую партийную интерпретацию основных этапов развития советского общества и вводит в текст Основного Закона новые положения Программы КПСС о построении в СССР “развитого социалистического общества” и превращении диктатуры пролетариата в “общенародное государство”.

* * *

Каковы особенности идеологического содержания Конституции РФ 1993 г.?

В отличие от советских Конституций 1936 и 1977 гг., она не утверждает власть одной партии. Нейтральность в партийном отношении, создающая правовую основу для политического плюра-

лизма, сближает этот документ с конституциями современных демократических государств. Тот же принцип нейтральности распространяется и на мировоззрение в философском (не политическом) значении этого слова. Отказавшись от ссылок советских конституций на научный коммунизм, марксистско-ленинское учение, Конституция не предлагает вместо них никакой иной философской доктрины, оставляя проблемы соотношения бытия и сознания и другие аспекты философского мировоззрения на усмотрение граждан, не связывая их свободы в данном отношении “соответствием интересам трудящихся” или целями “укрепления социалистического строя”, как записано в сталинской Конституции.

В области социально-политического мировоззрения картина несколько иная. Здесь нет и, видимо, не может быть нейтральности. Конституция провозглашает важнейшие принципы, в соответствии с которыми должны строиться жизнь общества и государства. Это и есть “государственная идеология”. Они сформулированы прежде всего в гл. 1 (“Основы конституционного строя”) и 2 (“Права и свободы человека и гражданина”), частично в преамбуле и конкретизируются и воплощаются в других главах. Правовое, социальное, светское, демократическое, федеративное, республиканское государство, разделение властей, независимый суд, обеспечение прав человека – вот основные идеологические положения, зафиксированные в Конституции. Они совпадают с современным либеральным, западным по происхождению пониманием демократии (в отличие от буквального смысла – власть народа, совместимого с диктатурой).

Ясно, что существует большой разрыв между идеологией и действительностью, что провозглашенные принципы носят программный характер. Здесь начинаются различия с Западом, где степень реализации этих принципов выше, так как либеральная демократия обладает давними традициями и стала частью национального сознания. Но различия не сводятся только к этому. В Конституции 1993 г. заложен очень важный принцип в отвлеченной, теоретической, форме, не сформулированный ни в одной из ее статей: наделение президента широкими полномочиями, превращающими его в ключевую фигуру политической системы.

Институт президента сыграл в новейшей истории России положительную роль, обеспечив политическую стабильность. Его соотношение с принципами политического либерализма противоречиво. Они могут развиваться гармонично при

условии укрепления институтов демократии, возможности реальной смены главы государства. В противном случае крепнут авторитарные тенденции. С точки зрения распределения и функционирования власти статус президента представляется основополагающим. Но в обиходе идеологических принципов, представленных в первой главе Конституции, он не вошел. Составители Конституции предпочли его не афишировать.

Не отличаются особой четкостью и принципы социально-экономической организации. Авторы текста не хотели представить манифест о намерениях в плане преобразования социально-экономического строя. В отличие от советских конституций, они не высказали своего отношения к прежней системе, не дали ее анализа. Деидеологизация может служить оправданием такой позиции. Но в результате идеология не исчезла – она читается между строк. Вместо того чтобы открыто вынести эту идеологию на суд народа, что было бы особенно важно в связи с тем, что Конституция принималась на референдуме, гражданам предоставили возможность самостоятельно делать выводы о целях и планах новой власти, но не каждый этим воспользовался и не каждый был в состоянии сделать такие выводы.

Социально-экономическим вопросам в гл. 1 посвящены ст. 7, 8, 9. Статья 7 провозглашает Российскую Федерацию социальным государством и в ч. 1 удачно определяет, что это такое: политика социального государства “направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека”. Смысл этой формулировки состоит в том, что социальность государства предполагает не формальное провозглашение прав, а обеспечение их, фактическую реализацию.

Конституционные основы экономики изложены в ст. 8, 9. Примечательно, что в ч. 1 ст. 8 ставятся в один ряд вопросы технико-экономические, но в то же время и политические, связанные с осуществлением государственной власти (единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств) и базовые социальные вопросы, определяющие характер экономической жизни (поддержка конкуренции и, на последнем месте, свобода экономической деятельности). Часть 2 той же статьи поясняет, что означает свобода экономической деятельности: “в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности”. Часть 2 ст. 9 вводит чрезвычайно важное дополнение к этому

положению: “Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности”. Вот подлинная, не декларированная в качестве важнейшего принципа и не аргументированная социально-экономическая программа (идеология) составителей Конституции. Свобода экономической деятельности при признании и защите частной собственности означает капиталистическую систему хозяйства.

В перечне форм собственности в Конституции на первое место поставлена именно частная собственность. Между тем в начале 90-х годов господствующими формами собственности были государственная и кооперативно-колхозная. Последняя в тексте Конституции вообще не упомянута и входит в разряд “иные формы собственности”, а ведь огромные земельные наделы принадлежали колхозам. Эти положения Конституции послужили правовой базой для перехода от советского “развитого социализма” к капитализму. Ответственная перед страной и народом постановка вопроса требовала тщательной юридической разработки процесса превращения “общественной” собственности в двух ее видах в частную, может быть, целой Конституции, специально предназначенной для переходного периода (именно так понималась Конституция РСФСР 1918 г.). Вместо этого была предложена не ограниченная временными рамками и решением конкретных задач Конституция, под прикрытием которой в “лихие девяностые” (как теперь принято говорить) совершался процесс приватизации, приведший к формированию монополий и олигархии. Грабительский, незаконный характер приватизации признается ныне на уровне высших должностных лиц, но ее результаты остаются в силе.

Любопытно сравнить социально-экономические нормы Конституции 1993 г. с аналогичными положениями некоторых других конституций.

Основной закон ФРГ 1949 г. (ч. 2 ст. 14) гласит, воспроизводя текст Веймарской конституции 1919 г.: “Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу”. Идеологической основой этого тезиса является солидарность или солидаризм, получивший широкое признание на Западе в качестве одного из важнейших принципов жизни общества. Составители нашей Конституции игнорировали этот тезис. Зато идея солидарности приобрела в ч. 2 ст. 29 сугубо охранительное содержание: “Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду”. Включение в этот

перечень социальной вражды наряду с традиционным и признанным международным правом запретом на пропаганду расовой, национальной или религиозной вражды – новелла нашей Конституции. Любая критика богатства, неравенства, привилегий может подаваться как пропаганда социальной вражды. На этом основании можно было бы запретить распространение социалистических учений любого направления, ибо все они исходят из признания несправедливости капиталистической системы. Кстати сказать, в Государственную Думу уже вносилось предложение запретить сочинения В.И. Ленина как экстремистскую литературу.

Часть 3 той же ст. 14 Конституции ФРГ гласит: “Отчуждение собственности допускается только в целях общего блага. Оно может производиться только по закону или на основании закона, регулирующего характер и размеры возмещения”. Но этого общего правила составителям Конституции показалось мало, и в ст. 15 они продублировали его применительно к особо важным объектам собственности: “Земля и недра, естественные ресурсы и средства производства могут быть в целях обобществления переведены в общественную собственность или в другие формы общественного хозяйства согласно закону, регулирующему виды и размеры возмещения”. Таковы установления Конституции капиталистической страны, стремящейся к построению социального государства. Иная логика у Конституции, рассчитанной на утверждение капитализма на руинах тоталитарной социалистической системы. Она приватизирует без всяких оговорок не только рукотворные средства производства, но и землю, и другие природные ресурсы.

В Конституциях ряда стран СНГ эти вопросы решаются иначе. Часть 2 ст. 6 Конституции Республики Казахстан (1995 г.) полностью воспроизводит положение ч. 2 ст. 14 Конституции ФРГ о том, что собственность обязывает и должна служить общему благу, а согласно ч. 3 той же статьи “земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности”. Правда, при этом оговаривается, что “земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом”. Согласно ст. 13 Конституции Республики Беларусь “недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства”, “земля сельскохозяйственного назначения находится в собственности государства”, закон может определять и другие объекты, находящиеся только в

собственности государства, или устанавливать особый порядок их перехода в частную собственность.

Осторожность авторов текста нашей Конституции в формулировании принципов социально-экономической политики, нежелание с открытым забралом отстаивать приоритет частной собственности не случайны. Конституция была рассчитана на общественную поддержку, а значительная часть российских граждан в начале 90-х годов не была настроена антисоциалистически. Народное движение, приведшее к падению советской власти, вдохновлялось лозунгами демократии, свободы, прав человека, нетерпимостью к разложившейся партийной бюрократии, а вовсе не приватизацией и распределением национального богатства между горсткой будущих олигархов. Определенный демократический прорыв был совершен. В стране возникла и существует до сегодняшнего дня свобода слова и убеждений, политическая жизнь, оппозиционные средства массовой информации. Обо всем этом можно было только мечтать при советской власти. Но введение партийного плюрализма и альтернативных выборов обмануло ожидания и не обеспечило реального воздействия избирателей на политическую систему. Население в гораздо большей степени зависит от власти, чем власть от населения. Правящая партия переняла от КПСС формы политической пропаганды, организации, мобилизации, манипулирования общественным мнением, хотя содержание пропаганды изменилось принципиально. Провозглашение разделения властей практически не снизило уровня концентрации власти в одном центре. Многие худшие свойства прежней политической системы сохраняются и поныне при новой социальной базе. Учитывая эту технологическую преемственность, можно было бы сказать, перефразируя известное определение В.И. Ленина (“коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны”), что Россия получила советскую власть плюс приватизацию всей страны. Случилось то, что не раз происходило в истории. Массовое и казавшееся мощным общественное движение привело не к тем последствиям, к которым стремилось большинство его участников. Целью движения провозглашались свобода, демократия, правовые государства. Покончить с социализмом в начале 90-х годов никто не требовал, во всяком случае открыто. В результате борьба за свободу и ее составная часть – деидеологизация превратились в форму ликвидации советского социализма, а проблема подлинно демократического государственного строя осталась до сегодняшнего дня нерешенной.

За 20 лет действия Конституции дискуссии вокруг провозглашенных в ней идейно-политических принципов не затихают и не утрачивают остроты. В них нередко сказывается свойство национального сознания, отмеченное К. Леонтьевым: “способность во всем доходить до крайностей”¹². Возникают своего рода эксцессы, абсолютизация какого-то одного принципа.

Хронологически первым таким эксцессом было очень популярное до сегодняшнего дня среди теоретизирующих юристов утверждение “приоритета прав человека”. Полагают, что оно получило своеобразное, хотя небуквальное и немного смягченное выражение в ст. 2 Конституции (“Человек, его права и свободы являются высшей ценностью”). В начале 90-х годов, когда создавались проекты будущей Конституции, были очень модны представления о “мировых стандартах” конституционного права, выражающих общечеловеческие ценности. В то время часто пользовались термином “цивилизованные государства”. Имелись в виду демократические либеральные государства Запаदा. Россия, ни советская, ни дореволюционная, безусловно, к ним не относилась. Юристы, работавшие над текстом Конституции, видели свою цель в том, чтобы поднять этот текст на уровень мировых стандартов либерализма. Некоторый изъян этой установки заключается в том, что идеал – не единственный (хотя и очень важный) ориентир для конституции. Не менее, а скорее всего более существенна действительность, соответствие реальным условиям, потому что конституция должна быть не только целеполагающим, но и работающим документом. Возражение вызывает не обращение к идеалу, а его понимание. “Приоритет прав человека” вовсе не является мировым стандартом демократии или либерализма. Он представляет собой продукт большого политического сознания, воспитанного тоталитаризмом, строящегося на его отрицании и не способного выйти за рамки противоположностей. Если тоталитаризм приносит человека в жертву государству, то посттоталитарный российский либерализм предлагает другую крайность: он готов государство принести в жертву человеку.

Подлинный либерализм, формировавшийся столетиями в “цивилизованных государствах”, избегал крайностей, стремился к синтезу личных и общественных интересов и провозглашал, что в случае их конфликта следует признавать первен-

¹² Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 290, 291.

ство общественного, т.е. того, что соответствует интересам не одного лица, а многих, общества в целом, или общему благу. По Аристотелю, целое всегда предшествует части. Имеется в виду не предшествование во времени, а значимость целого и части. Один из основоположников и классиков теории либерализма Дж. Локк, защитник свободы и собственности как естественных прав человека, придерживался того же взгляда: “Первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться сама законодательная власть, является сохранение общества и (в той мере, в какой это будет совпадать с общественным благом) каждого члена общества”¹³. И здесь на первом месте общество, а на втором – человек.

Классический принцип либерализма – не приоритет интересов личности, а гарантия прав и свобод человека, если они не противоречат благу общества. Это принцип полностью соответствует мировым стандартам и признан международным правом. “При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе”, – гласит ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека. Ей соответствует в основных чертах ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Ее текст отличается юридической четкостью, чего, к сожалению, нельзя сказать о формулировке “высшая ценность” ст. 2. Примирить эти два положения можно только двумя путями: или признать, что существует не одна “высшая ценность”, или, по Дж. Оруеллу, допустить существование “более высших ценностей”, перечисленных в ст. 55.

Лозунг приоритета прав личности характерен не для либерализма, а для либертаризма, под которым следует понимать не так называемую либертарно-юридическую теорию права и государства, (ее, в лучшем случае, можно признать успешной мистификацией), а политику, рассчитанную на максимальное свертывание социально-экономической деятельности государства, на неограниченную свободу частного предпринимательства, превращающегося таким образом в высшую ценность.

У ложной идеи приоритета прав человека есть своего рода спутник – представления о “системоцентристском” и “персоноцентристском” общест-

ве. Им отдали дань многие отечественные юристы (А.В. Оболенский, первым или одним из первых в России выдвинувший эту идею, С.С. Алексеев и др.). Вот один из новейших примеров. “Основной вектор современного политико-правового развития России задан переходом от традиционного для страны системоцентристского типа общественного устройства, в рамках которого индивидуальная свобода подчинена доминирующему над человеком государственному началу, к человекоцентристской модели общества, базирующейся на принципе приоритета прав и свобод человека”¹⁴, – пишет проф. В.В. Лапаева.

Реальность системоцентристского общества не подлежит сомнению. Таковы все традиционные общества прошлого и настоящего. Тоталитаризм, приносящий права человека в жертву государству, – наиболее жесткая форма системоцентризма XX в. Но вот персоноцентристское общество не только проблематично, но и принципиально не осуществимо. Логически это вытекает из множественности центров. Любое общество – это соединение людей. Оно центростремительно, а не центробежно. Все различия – в степени и формах. Идея общества, в котором его участники обладали бы полной свободой, представляет собой анархическую утопию. Считать персоноцентристским то, что К. Поппер называл “открытым обществом”, т.е. современные западные демократии, нет никаких оснований. Это либеральные общества, гарантирующие права человека в той мере, в какой они совместимы с общественными интересами. Так рассуждал Дж. Локк и о том же свидетельствует приведенная выше ч. 3 ст. 14 Основного закона ФРГ, предусматривающая отчуждение собственности в целях общего блага. Следует ли на этом основании считать ФРГ системоцентристским обществом или разумнее признать, что лозунги приоритета прав личности и человекоцентристской системы свидетельствуют об ошибочном и наивном понимании либерализма и мировых стандартов посттоталитарным сознанием?

* * *

В первом десятилетии XXI в. в России становится заметной идеологическая и ценностная переориентация: от “мировых стандартов” к национальным традициям, от либерализма к консерватизму. Показательна в этом отношении

¹³ Локк Дж. Соч. В 3-х т. Т. 3. М., 1988. С. 339.

¹⁴ Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Гос. и право. 2013. № 2. С. 14.

лекция “Русская политическая культура. Взгляд из утопии”, с которой в 2007 г. выступил в Российской академии наук В. Сурков, в то время заместитель главы президентской администрации, занимавший третью строчку в списке самых влиятельных политиков России. В лекции содержится призыв “гордиться нашей политической культурой”, которая “располагает достаточным потенциалом для выработки российской демократической модели”¹⁵. Вместо “мировых стандартов” рекомендовалось следование национальным традициям, предполагающее своеобразные формы государственности. Именно тогда был выдвинут тезис “суверенной демократии”, в то время серьезно обсуждавшийся из уважения к политическому статусу его создателя, а ныне вполне заслуженно преданный забвению. Среди особенностей русской политической практики В. Сурков выделял централизацию властных функций и “персонификацию политических институтов”. “Говорят, в нашей стране личность вытесняет институты, – рассуждал В. Сурков. – Мне кажется, в нашей политической культуре личность и есть институт, далеко не единственный, но важнейший”¹⁶. Как историческое наблюдение это верно. Как ориентир для будущего сомнительно и опасно, ибо не способствует развитию демократических начал, провозглашенных в Конституции.

Сама по себе попытка уточнить идеологические основы, отказаться от абсолютизации опыта “цивилизованных государств” (тем более в его наивном понимании) и учитывать национально-исторические особенности России методологически оправдана и необходима. Она оказалась бы плодотворной, если бы в силу все той же склонности к крайностям не приводила к прямо противоположным эксцессам, к апологии политического прошлого России.

Консервативная идеология берется на вооружение правящей партией и доминирует в поддерживаемых государством средствах массовой информации. В идеологическом плане движение от либерализма к консерватизму приобретает все более четкий оттенок реставраторства, разумеется, не по отношению к советскому строю, к которому воспитывается сугубо отрицательное отношение, как, впрочем, и ко всякой попытке революционных преобразований, а к царской России. Российское самодержавие рассматривается как гарант стабильности, благополучия,

справедливости и прогресса. Все большим пие-тетом пользуется и идеология самодержавия, “теория официальной народности” (православие, самодержавие и народность). Против “народности” (этот термин переводится на европейские языки как национальная идентичность) можно возразить только то, что ее содержание сводится обычно именно к православию и самодержавию. Самодержавие открыто защищается лишь в литературных источниках неофициального характера. А вот православие все активнее претендует на роль главного, если не единственного, носителя и хранителя национальной культуры, духовности, нравственности, творца объединяющей народ идеологии. Эти стремления поддерживаются носителями власти и оказывают влияние на законодательство (преамбула Федерального закона 1997 г. “О свободе совести и о религиозных объединениях”) и государственную символику (гимн, герб, флаг), которая не лишена религиозно-монархических обертонов, навеянных дореволюционной традицией.

* * *

Отмеченные консервативные тенденции отчетливо прослеживаются в юридической литературе. Вполне откровенное и притом утрированное воплощение они получили в направлении, которое сами его представители называют “русской охранительной политико-правовой мыслью”¹⁷. Приведем для характеристики этого направления две цитаты.

“Порядок организации государства имеет своим образом Царствие Божие, в связи с чем единственно возможной формой правления является неограниченная монархия, а формой государства – православная, самодержавная монархия”¹⁸, – пишет один из родоначальников и классиков современного русского “охранительства” (по случайному совпадению он работал на руководящем посту во ФСИН), проф. А.М. Величко.

«Идеалы правовой республиканской государственности, свободы личности, превалирование права как социального регулятора являются духовно выхолощенными, в цивилизационном плане разрушительными и подходящими под духовные и культурные условия исключительно

¹⁵ Русская политическая культура. Взгляд из утопии. М., 2007. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 8, 9.

¹⁷ См.: Васильев А.А., Серегин А.В. История русской охранительной политико-правовой мысли (VII–XX вв.). М., 2011.

¹⁸ Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовым культур. СПб., 1999. С. 191, 192.

Европы... – пишет исследователь “охранительства”, искренне убежденный в его истинности, А.А. Васильев, – России же с учетом прозрений охранительных мыслителей необходимо преодолеть зло западной культуры»¹⁹.

Конечно, это максимализм, эксцесс, перегиб. Но он знаменателен и тревожен. В марксистском анализе хода революций есть понятие “забегания вперед”. Революционный авангард порой ставит чрезмерные цели, пытается их осуществить, терпит поражение и отступает. Но этот временный прорыв, это забегание вперед позволяют надежно закрепиться на сравнительно умеренных позициях и тем самым выполнить свое подлинное историческое предназначение. Не является ли современное российское охранительство такого рода забеганием вперед, после которого дальнейшее укрепление традиций консерватизма в спокойных формах покажется умеренным и вполне разумным?

Вот книга А.В. Ситникова, консервативно настроенного автора, который не провозглашает себя сторонником охранительства и не требует восстановления православной монархии. Но он с удовлетворением отмечает, что “по мере возрастания воцерковленности россиян их социально-политическое сознание становится более консервативным, возрастает значение традиционных культурных ценностей, неприятие культурного либерализма и принципов либеральной демократии”, что “они чаще склоняются к использованию запретительных механизмов”, что “специфика православной легитимации способствует формированию моноцентрического общества, сакрализации власти и патернализму”, а также признанию “как данности складывающихся социальных порядков и существующих социальных неравенств”. Все это представляется А.В. Ситникову “частью всеобщего процесса десекуляризации”, якобы протекающего в мире, и он приветствует “преодоление секуляризации..., распространение своих ценностей и сохранение традиционной морали в том числе с помощью институтов государства”²⁰. С точки зрения принципов светского государства (ст. 14 Конституции) эта позиция представляется неприемлемой, но в сравнении с идеей православной монархии она может показаться вполне “цивилизованной”.

¹⁹ Васильев А.А. История русской консервативной правовой мысли (VII–XX вв.). Барнаул, 2011. С. 252, 260.

²⁰ Ситников А.В. Русская православная церковь и социально-политические трансформации в российском обществе. М., 2011. С. 226, 229.

* * *

Таковы два противоположных понимания идеологии, сложившихся в России за 20 лет действия Конституции. Они выходят за рамки текста Конституции и представляют собой его толкования или даже рассуждения о том, какой должна быть Конституция. Либеральное толкование ближе к тексту, казалось бы, опирается на принципы, изложенные в гл. 1 “Основы конституционного строя”, хотя и дает им подчас превратную, либертариистскую интерпретацию. В основе этого толкования – увлечение общечеловеческими ценностями и “мировыми стандартами”, характерное для определенных общественных кругов постсоветской России и особенно сильное в конце 80 – начале 90-х годов. Их представления вошли в Конституцию благодаря работам группы ученых-юристов – составителей конституционных проектов. Национальной специфике они не уделяли большого внимания. Тем не менее она получила в Конституции четкое выражение, правда, не в гл. 1, а в гл. 4 “Президент Российской Федерации”. Изложенные в ней широкие полномочия недаром уподобляют монаршим (“римейк царской власти”²¹, по словам акад. Ю.С. Пивоварова). Эти нормы Конституции – плод творчества не ученых, а политиков, прежде всего политика, сыгравшего решающую роль в утверждении новой Конституции, – первого Президента России. Концентрация реальной власти в руках одного органа или лица полностью соответствовала политическим традициям России, как дореволюционной, так и советской.

Консерваторам труднее аргументировать свою позицию ссылками на статьи Конституции, не возведшей концентрацию власти в ранг основ конституционного строя, хотя на деле она таковой является. Они хотят расширить область традиционного, не сводить его только к распределению власти, придать традиции характер мировоззрения, как это было в дореволюционной официальной России. Тем самым они пытаются лишить действующую Конституцию ее принципиального завоевания – она отвергла принцип связи власти с партийностью и с философским (не политическим) мировоззрением.

Полемика консерваторов и либералов свидетельствует о важности идеологии и о том, что небезразличная для государства идеология шире конституционных принципов и не исключает

²¹ См.: Пивоваров Ю.С. Русская власть и исторические типы ее осмысления // Полития. 2000 – 2001. № 4. С. 18.

определенного отношения к мировоззренческим проблемам, будь то нейтральность или культивирование каких-то представлений. Конфликт “мировых стандартов” и национальных традиций представляется искусственным. Что-то не в порядке с общечеловеческими и национальными ценностями, если они вступают в непримиримые противоречия друг с другом. В Конституции представлено и то и другое, но она не достигла в этом вопросе синтеза, что способствует острым коллизиям в ходе осуществления реальной политики. Ноябрьский праздник, введенный в постсоветской России вместо годовщины Октябрьской революции, получил название Дня народного единства. Спустя семь десятилетий после гражданской войны идея национального примирения казалась разумной и привлекательной. Ныне активизируются тенденции не к согласию, а к нетерпимости, к крайностям. Все чаще раздаются призывы покончить с либерализмом. В пропаганде либеральных идей видят атаку “на те ценности, которые складывались в нашем обществе веками”. Появились и утверждения, что российское руководство решило отказаться от либерализма. 4 марта сего года на заседании дискуссионного клуба Всемирного русского народного

Собора протоиерей Александр Шумских заявил: “В сегодняшней России должны продолжаться те процессы, которые начались при Сталине. Путин начал антилиберальную контрреволюцию”²².

Другие защитники консерватизма И.В. Сталину предпочитают белогвардейское движение. Вместо поисков синтеза, компромисса носителям власти предлагают сделать бесповоротный выбор в пользу реставрации, реванша. “Нельзя, неправильно проповедовать одновременно две идеологии, – пишет публицист А.С. Ципко... Пока новая власть не скажет, за кого она – или за красных, или за белых, или за тех, кто защищал православную Россию, или за тех, кто ее разрушал, невозможно ни формирование национальных ценностей, ни создание для патриотического воспитания так называемой линейки героев”²³. Ципко сделал свой выбор: “И Ленин, и его учителя, в частности Чернышевский, являются недоумками, не развитыми в духовном отношении людьми”²⁴. Таковы эксцессы консерватизма, опасные для развития конституционного строя России.

²² НГ Религии. 2013. 6 марта. С. 1.

²³ НГ Политика. 2012. 18 дек. С. 14.

²⁴ Независимая газ. 2012. 3 окт.